

Сначала появилось лишь немного крови, затем её становилось всё больше, словно ручейки сливались в реку, а река — в море. В конечном итоге вся рука стала мокрой, и время от времени бабушка Сань прижимала к ней тряпку, вытирая и впитывая лишнюю, режущую глаз ярко-красную жидкость.

Он несколько раз поворачивал голову, чтобы взглянуть на свою руку, но, когда действие лекарства начало усиливаться, предпочёл закрыть глаза и отвернуться.

Когда брат Цун начал лить топливо, он наконец расслабился. Холодная жидкость лилась вниз, стекая с плеча до самых кончиков пальцев.

Брат Цун попросил ещё одну чашу лекарственного вина, после чего погрузился в глубокий сон.

Во сне он снова увидел ту городскую стену, на которой по-прежнему стояли актёры в пышных нарядах и коронах. Брат Цун снова приехал один, вышел из машины и поднял голову, глядя на тех, кто был наверху.

Он мог ясно видеть лица каждого, различать краски на их масках. Он не разбирался в театре, поэтому не мог понять, кто они такие. Он надеялся, что они заговорят, будь то на общем языке или на местном диалекте, лишь бы он мог узнать больше из их слов.

Но они просто смотрели на него, не двигаясь, словно статуи.

Брат Цун опустил взгляд, а когда снова поднял его, испугался.

Он увидел, что вся стена была усеяна скелетами, точно так, как говорил А-Да — это были лишь кости, лишённые плоти.

Колени брата Цуна подкосились, и он рухнул на землю. В панике он снова посмотрел на стену, но всё вернулось к прежнему виду.

Брат Цун проснулся, и перед ним оказалось лицо бабушки Сань с татуировками. Он тихо втянул воздух и повернул голову, чтобы осмотреть свою руку.

На руке была кровь, краска, свежие заживающие раны и большие участки покраснений.

Бабушка Сань дала ему три пакетика с лекарством, сказав, что нужно заварить их, остудить и прикладывать. Накладывать на ночь, пока они не высохнут, и через три дня всё заживёт.

Брат Цун встал с кровати и, подойдя к двери, был остановлен двумя людьми.

Солнце уже клонилось к закату. Он попросил у них сигарету, выкурил её, и как раз вовремя появился А-Да.

В тот момент брат Цун чувствовал, что голова всё ещё была тяжёлой, рука болела, и он пребывал в полной прострации, не способный ни о чём ясно думать.

Поэтому он даже не осознал, что этот вечер станет переломным в его отношениях с А-Да, и уж точно не мог представить, что, помимо этого, его собственная судьба начнёт двигаться в новом направлении.

А-Да всю дорогу наставлял его, говоря, чтобы он терпел, если его будут ругать или бить, и если спросят об их отношениях, то отвечал, что всё делает по своей воле, что хочет быть с ним.

— Не показывай свою гордость, сестра ненавидит таких, как ты, не иди против неё.

Брат Цун всё время кивал, бормоча что-то в ответ, и шёл по земле, окрашенной в оранжевый цвет заката.

Дом А-Да находился недалеко от дома сестры, но был далеко от жилища бабушки Сань. Они шли долго, пока брат Цун не начал потеть, и только тогда А-Да остановился.

Подняв голову, он увидел двухэтажный дом. Раньше он уже видел его, он стоял позади зала собраний. Воздух в зале был тёплым, но, обойдя его и войдя в дом, он вдруг почувствовал, как температура вокруг упала, и стало холодно.

А-Да открыл дверь и ввёл его внутрь, и только тогда брат Цун немного пришёл в себя.

В тот вечер брата Цуна избили, и избили сильно. В комнате была не только сестра, но и её помощник.

Помощник был худощавым, и на его руках не было саламандр. Его саламандра была на груди, и сейчас, когда он был без рубашки, она виднелась, словно издеваясь над братом Цуном.

Сестра подошла и, не дожидаясь, пока А-Да скажет «на колени», ударила его ногой по колену. Брат Цун с грохотом упал на пол, и сразу же получил ещё один удар в живот.

А-Да быстро остановил сестру:

— Сестра, дай ему говорить. Если ты будешь так бить, он не сможет говорить.

С этими словами он поднял брата Цуна, заставил его встать на колени и приказал:

— Зови тетушку Утку.

Брат Цун, опираясь руками на пол, не смея поднять голову, произнёс:

— Тетушка Утка.

А-Да добавил:

— Поклонись, позови ещё несколько раз, скажи, что ты виноват.

Брат Цун тяжело дышал, удар сбил его с толку, и ему пришлось сильно потряхнуть головой, чтобы собраться с мыслями.

Затем он опустил голову на холодный пол, ударился, произнёс:

— Тетушка Утка.

Снова ударился, сказал:

— Сестра.

И затем, продолжая биться головой, добавил:

— Сестра, я виноват, тетушка Утка, простите, я не знал, что всё так обернётся, я виноват, я виноват.

Тетушка Утка подошла, оттолкнула А-Да и снова ударила брата Цуна ногой, опрокинув его на пол.

Тетушка Утка сказала:

— Сестру звать не тебе.

Живот брата Цуна болел невыносимо, всё тело словно разваливалось на части, и только что собранные мысли снова разлетелись, оставив его полностью обессиленным.

Помощник крикнул ему, чтобы он встал на колени, но он, обхватив живот, не мог подняться. А-Да снова подошёл, поднял его и сунул в руки кувшин вина и чашу:

— Быстро, поднеси вино сестре.

Глаза брата Цуна наполнились слезами от боли, он с трудом удерживал равновесие, едва держа кувшин, наливая вино, часть проливая.

Наконец, когда чаша наполнилась, он попытался встать.

А-Да быстро остановил его:

— Иди на коленях.

Тетушка Утка, увидев это, фыркнула:

— Ты становишься всё слабее, двух ударов не выдержишь, хуже, чем тот твой Сяо Юань.

А-Да промолчал, поддерживая чашу, и, придерживая брата Цуна за плечо, заставил его успокоиться и, стоя на коленях, поднести вино тетушке Утке.

Колени брата Цуна терлись о пол, и это было унижение, которого он никогда раньше не испытывал.

Но сейчас он не мог думать об унижении, он чувствовал только боль, не зная, то ли это действие лекарственного вина, то ли что-то ещё, но всё тело болело так, что каждый шаг заставлял кости скрипеть, словно их пронзали иглы бабушки Сань, и он вот-вот развалится.

Он полз долго, наконец добрался до тетушки Утки.

Брат Цун сказал:

— Тетушка Утка, я виноват.

Тетушка Утка не приняла вина, она закурила сигарету:

— Говори, сколько вас.

Брат Цун замешкался, он покачал головой:

— Я не знаю.

Тетушка Утка ударила по чаше, и вино разлилось:

— Не говоришь, заставлю тебя ползать по осколкам!

А-Да снова поспешил вмешаться:

— Сестра, не злишься, он действительно не знает. Он просто мелкий клерк, которого только что отправили, я уже пытал его, он не выдержал бы, если бы знал...

Тетушка Утка крикнула, и А-Да замолчал. Она не позволила А-Да помочь, помощник принёс новую чашу и поставил её рядом с братом Цуном, показывая, чтобы он снова налил и поднёс вино.

Брат Цун поднялся, стараясь удержать равновесие, и снова налил вино. Тетушка Утка снова спросила:

— Сколько у вас опорных пунктов?

Брат Цун снова ответил:

— Я не знаю.

Он хотел что-то объяснить, но, казалось, если он не ответит, вино снова выльют, а в живот ему снова ударят.

В тот вечер брат Цун думал, что умрёт. Он не знал, сколько раз наливал вино, сколько раз поднимал чашу, но в конце осколки чаши были повсюду, и, когда его снова ударили, он упал на осколки.

Сколько времени это заняло, он уже не помнил.

Он рассказал всё, что знал. Он не знал, было ли восемь или десять тысяч человек, двенадцать или пятнадцать опорных пунктов, где была первая линия обороны, где вторая, сколько было запасов оружия, и как долго планировалось продолжать, куда направят следующий удар.

Единственное, что он знал, — это то, что его лагерь находился на западной окраине, где он видел железный канат и мост. А в километре от него был ещё один лагерь, где не было моста, только два железных каната и ручей.

Он также сказал, что в лагере был штаб, его лагерь не атаковал, только наблюдал. Потому что, как он слышал, это был самый безопасный лагерь, и там было больше всего чиновников.

Слёзы текли по его лицу, он не знал, от боли или от обиды.

В конце его поднял А-Да, взвалив на плечи.

Тетушка Утка сказала:

— Ты слышал, начинаем с запада. Завтра я поведу людей, сколько ты можешь дать?

А-Да ответил:

— Сестра, сейчас нельзя атаковать, иначе все люди с Бэйпо погибнут, у нас недостаточно подготовки и людей.

Тетушка Утка сказала:

— Хорошо, если ты не пойдёшь, я пойду. Ты можешь ждать, а я не могу.

А-Да поспешил сказать:

— Я умоляю тебя, сестра, дай мне немного времени, недолго, всего несколько дней. Как только Дунлин даст согласие, я первым пойду в бой. Я уже зарядил патроны, почистил оружие. На этот раз я отомщу за твоего мужа, я обязательно отомщу.

Брат Цун висел на плече А-Да, пока тот не вытащил его наружу.

Но он уже не мог идти, всё тело было в крови, колени изранены, ноги не держали, и сил не осталось.

[Нет авторских примечаний]

<http://bllate.org/book/16300/1470203>